

УДК 316.334.55

СЕЛЬСКОЕ ЛОКАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО КАК ОБЪЕКТ МОНОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

С.А. Ахметова

Аннотация

Сельское локальное сообщество рассматривается как микромодель общества, внутри которой происходят все процессы, свойственные «большому обществу». Жизнь локального сообщества характеризуется внутренним единством, что свойственно и монографии как методу научного исследования. Внутреннее единство трактуется как экзистенциальный признак, имманентный жизнедеятельности поселения.

Ключевые слова: сельское локальное сообщество, «большое общество», монографический метод, внутреннее единство, уровень семейности, сельский образ жизни.

Монографический метод как способ получения эмпирической информации не имеет в научной литературе однозначного толкования. Прежде всего следует отметить, что в качестве синонимичных используются словосочетания «монографический метод» и «монографическое исследование». Монографический метод называют синтетическим, реализующимся в совокупности разнообразных конкретных методов сбора эмпирической информации. Встречается интерпретация этого метода, представляющая его как анализ случая (case study), при этом объект исследования приравнивается к «случаю». Неопределенным остается вопрос о том, что именно в фокусе внимания исследователей – социальный объект, социальный процесс или проблема; изучается один объект или несколько объектов (соответственно процессов, проблем). Общим в подходах большинства авторов является указание на всесторонность изучения типичного объекта (процесса, проблемы), на возможность использования методов других наук: экономики, истории, культурологии, лингвистики. Помимо социологии, монографический метод в своеобразном толковании применяется в экономике, психологии, истории, педагогике.

Анализ ряда определений монографического метода, предложенных в словарно-справочной литературе, выявление общих признаков, его характеризующих, соотнесение этих трактовок с примерами реального воплощения метода в истории мировой и отечественной социологии приводят к следующим рассуждениям.

Монографический метод (от греч. monos – один и grapho – пишу) – это исследовательская стратегия, направленная на целостное, всестороннее изучение отдельного социального явления, процесса, определенной социальной общности. Суть метода заключается в том, что некий социальный объект исследуется

в разных аспектах (социальном, экономическом, политическом), а выводы распространяются на весь класс аналогичных объектов.

Сводить этот способ работы к одному методу нецелесообразно, поскольку термин «метод» имеет здесь обобщенный смысл, равно как и термин «исследование». Исходя из этого, уместным представляется введение понятия «стратегия», указывающего на характер, направление изучения объекта.

Таким образом, к специфичным чертам монографического метода можно отнести:

- акцент на изучении одного объекта;
- всесторонность изучения объекта;
- интерпретацию объекта как целостности;
- использование множества качественных и количественных методов сбора первичной информации;
- обоснование типичности объекта;
- возможность экстраполяции результатов на более широкий класс аналогичных объектов;
- целесообразность применения метода для изучения локального сообщества;
- экспедиционный способ работы;
- междисциплинарный подход.

Заметим, что в истории социологического знания существует традиция использования монографического метода.

В XIX в. его применил французский социолог Ф. Ле Пле (1806–1882) при изучении бюджетов семей рабочих (его книга «Европейские рабочие» (1855) – результат этого исследования, в ней семейный достаток выступает как выражение определенного уровня и образа жизни нескольких десятков рабочих семей различных стран Европы), а также при рассмотрении деревенских общин.

Применение монографического метода наиболее уместно при изучении локального сообщества, поскольку оно представляет собой микромодель общества, а получаемая информация может быть экстраполирована на другие общности, в конечном итоге – на все общество.

Локальное сообщество идентифицируется по внешним признакам: занимаемой территории, наличию взаимосвязанных экономических институтов, собственных органов управления; по внутренним признакам: наличию социального взаимодействия, на основе которого возникают практики взаимозависимости, кооперации, сотрудничества, конкуренции. Термином «локальное сообщество» в социологической литературе принято обозначать определенные типы поселений (малый город, деревня), в которых социальные связи между жителями носят интенсивный характер.

Сущность монографического исследования локального сообщества заключается в выборе относительно автономного объекта для детального изучения происходящих в нем социальных процессов. Жизнь сообщества: деревни, города – конкретной социальной реальности – характеризуется внутренним единством (в противном случае это не сообщество). Примечательно, что подобное внутреннее единство свойственно и монографии как методу изучения локального сообщества.

Внутреннее единство трактуется как экзистенциальный признак, имманентный жизнедеятельности поселения, и предполагает наличие по крайней

мере трех характеристик, описанных М. Вебером в работе «Город» (1905): автономии, корпоративности, участия граждан в управлении.

Понятие «внутреннее единство» по отношению к локальному сообществу нуждается в содержательной интерпретации. Для обеспечения внутреннего единства поселение должно быть экономически независимым (не должно зависеть от какого-либо бизнеса), социально однородным (не должно быть классов), жителей должно связывать общее дело (участие в решении местных вопросов), общие интересы. Длительное совместное проживание на одной территории вырабатывает определенное отношение к ней и к людям, ее населяющим, формируя психологическое чувство «мы», в конечном счете – социально-территориальную самоидентификацию.

Повседневные практики существования сообщества, разумеется, не соответствуют идеализированным о нем представлениям: и в исследованиях села Копанка, и в исследованиях американского «среднего города» выявилась дифференциация жителей по социально-классовому признаку. Понятие «внутреннее единство», скорее всего, следует трактовать диалектически: как единство и борьбу противоположностей. Это означает, что при наличии черт, объединяющих индивидов в рамках сообщества (общая хозяйственно освоенная территория, взаимопомощь), существуют и признаки, их дифференцирующие (классовые, конфессиональные, этнические).

Внутреннее единство применительно к монографии как методу исследования означает, что он (при корректном использовании, разумеется), адекватно отражает специфику жизнедеятельности локального сообщества.

Монографический метод при изучении города использовали американские исследователи супруги Роберт (1892–1970) и Хелен (1894–1982) Линд. В 1924 г., после «бума» рабочих забастовок, для выяснения их причин они приехали в «средний город» численностью 38 тысяч жителей (штат Индиана) и в течение полутора лет тщательно изучали жизнь его обитателей. Кроме того, исследователи произвели сравнение полученной информации с данными ретроспективного характера, относящимися к 1890 году (индустриальная революция). Затем, спустя десять лет, после Великой депрессии 1929–1932 гг., Р. Линд вновь приехал в этот город для изучения произошедших перемен. Оказалось, что материально жители города почти не пострадали, были полны оптимизма. В результате произведенной Р. Линдом исследовательской работы увидели свет две книги: первая – «Миддлтаун» (обобщенное название среднего города) – в 1925 г., вторая – «Миддлтаун ин транзишен» («Средний город в развитии») – в 1935 г.

Этот пример демонстрирует суть монографического метода: в фокусе внимания один объект (моно) – средний город, типичный для США первой трети XX века, всесторонне изученный (все аспекты жизни), причем в динамике (на протяжении почти полувека). Примечательно также, что метод здесь использован в контексте полевых исследований (так, как он изначально применялся этнографами), очевидна свойственная ему экспедиционность.

Применительно к сельским поселениям изучением локальных сообществ с помощью монографического метода занимался румынский социолог Димитрие Густы (1880–1955), считающийся основателем Бухарестской монографической школы.

Выбор деревни в качестве объекта монографического изучения для Д. Густы неслучаен: он считает, что именно познание деревни дает ключ к пониманию общества. Примером применения монографического метода при изучении деревни является исследование села Копанка, проведенное во второй половине 30-х годов XX в. румынскими социологами, представителями Бухарестской монографической школы, под руководством Д. Густы. Позднее, в 60-е и 80-е годы того же века, в изучении этого села приняли участие советские социологи.

Впоследствии монографический метод применяли венгерские, югославские, польские социологи.

В России монографические исследования имеют давнюю традицию, причем так же, как и в Румынии, первоначально проводились именно в деревне. Видимо, российские исследователи, как и румынские, считают именно деревню связующим звеном между традиционным обществом и современным.

В конце XIX – начале XX вв. в России проводились подворные обследования деревень на основе статистических данных. Например, перу А.И. Шингарева (1869–1918), известного политического деятеля, принадлежит работа «Вымирающая деревня» (1907), написанная на основании результатов, полученных им при обследовании села. В основе материалов – подворно-статистические данные, охватывающие санитарные, экономические, бытовые стороны сельской жизни. Сведения о демографических процессах жизни села: рождаемости, брачности, смертности – почерпнуты из метрических книг, сведения о заболеваемости – из посемейно-поселенных списков, история деревни восстановлена по документам губернского музея. Приведенные в книге материалы дают представление о жизни крестьян, лишенных пахотной земли, владеющих нищенским наделом, полученным в 1861 г. [1].

Аналогичные обследования сельских поселений проводились на протяжении 20-х годов XX в. в разных районах страны. Главной целью обследований было описание процесса социального расслоения в деревне. Так, в 1924 г. был проведен опрос на тему «Кого считать кулаком?» Образцом монографического исследования считают работу А.Н. Большакова «Деревня (1917–1927 гг.)» (1929), созданную на базе материалов всестороннего изучения жизни одной из волостей Тверской губернии.

Монографические исследования локальных сообществ российскими учеными проводились и в 50–60-е годы прошлого века, например: «Рязанское село Кораблиново: история, экономика, быт, культура, люди села» (1957) – подворное обследование 336 семей.

В отечественной социологии более широко по сравнению с термином «локальное сообщество» применяется понятие «социально-территориальная общность», тем не менее однозначного его толкования не существует. Приведем некоторые из существующих определений:

- локальная, относительно автономная группа, вместе с тем достаточно обширная, чтобы включать все главные институты и процессы, составляющие общество;
- социальная сеть взаимодействующих индивидов, обычно сконцентрированных в рамках определенной территории;

• множество социальных отношений, осуществляемых главным образом в пределах некоторой территории.

Известный польский социолог Ян Щепаньский в работе «Элементарные понятия социологии» [2, с. 125–205] выводит понятие «территориальная общность» из более широкого – «социальная совокупность», – рассматриваемого им как объединение индивидов, в котором создана и сохраняется, хотя бы какое-то время, социальная связь. Он определяет территориальную общность как группу индивидов, члены которой связаны узами общих отношений к территории, на которой проживают. К таким общностям Щепаньский относит небольшой город, деревню. Если общность невелика по своим масштабам, у людей возникает чувство общности – «мы» (психологическое единство) – из-за близости проживания, сходства повседневных дел, постоянных личных контактов, идентичности систем ценностей.

Одним из первых серьезных исследователей территориальной общности был немецкий социолог XIX в. Ф. Теннис, разработавший концепцию взаимодействия общины (общности) и общества [3, с. 114–125]. Общность для Ф. Тенниса – естественное единство, в которое человек вовлекается уже при рождении, прежде всего это связь матери с ребенком. Для общности характерно наличие своего жизненного уклада, местной самобытности, своего языка, определенной манеры воспитания детей. Ф. Теннис различает следующие типы общностных отношений: 1) родовые отношения; 2) отношения соседства; 3) отношения дружбы. Общность, основанная на кровных узах, является наиболее стабильной формой социальной системы. Образцом такой общности признается семья.

Социальное неравенство, по Теннису, способствует объединению индивидов. Понятие общины исследователь связывал с социальной и культурной гомогенностью, консенсусом, взаимопомощью людей, проживающих на относительно ограниченной территории, что характерно, по его мнению, для сельской жизни доиндустриального периода. Община для Ф. Тенниса – самодостаточная форма взаимодействия индивидов. Понятие общины связано с наличием определенного чувства принадлежности к ней – «духа общины».

Как синонимичное понятию «община», обладающему скорее конкретно-историческим содержанием, применяется термин «общность», имеющий в русском языке более обобщенный смысл. Термин «сообщество» применяется как синоним по отношению к понятиям «община» и «общность» и вместе с тем означает наличие социальных отношений, упорядоченных социальных связей между жителями, основанных на общности идентификации. Сообщество характеризуется продолжительностью существования, социальной сплоченностью, доверительностью отношений, их эмоциональностью. Это микромодель общества.

Противоположностью общности считается общество (единство, сформированное искусственно, основанное на разуме). Отношения в обществе имеют вещную природу, сущность этих отношений заключается в сознании полезности или ценности, которой обладает один человек для другого. Понятие «общество» Ф. Теннис связывает с рациональными отношениями, обозначает его как «чужое» (это «дальняя среда человека»). Каждый стремится к достижению собственной цели, используя других как средство для получения результата.

Принципиальное значение имеет вопрос, поднятый Ф. Теннисом: о соотношении общества и территориальной общности. В социально-территориальной общности (локальном сообществе) имеются все структурные элементы общества, ей свойственны все социальные отношения, присущие «большому обществу».

Социально-территориальная структура представляет собой иерархически организованное пространство, состоящее, по принципу матрешки, из как бы «вложенных» одна в другую территориальных общностей разного уровня. В нашем случае применительно к аграрному сектору в качестве таких территориальных образований рассматриваются сельские районы республики, административный район, поселение.

Такой подход обусловил и логику изложения данного материала: от общего к частному, от характеристики социально-демографических процессов в сельских районах Республики Татарстан (РТ), характеристики ситуации в одном районе к более детальному изложению процессов, происходящих в локальном сельском поселении. Логика анализа носит дедуктивный характер.

В качестве метода исследования используется структурно-функциональный подход, в соответствии с которым сельское локальное сообщество анализируется как: 1) компонент структурно-иерархизированной социальной целостности; 2) элемент структуры, выполняющий в обществе функцию социального воспроизводства.

Жизнедеятельность индивидов в локальном сообществе организована в принципе аналогично жизнедеятельности «большого общества». Поэтому в сообществе осуществляется полный цикл социально-демографического воспроизводства. «Семья – основа сообществ, клеточка их тела», – как точно заметил классик английской литературы Гилберт Кит Честертон («Вечный человек»). Сообщество рассматривается как синтез многих семей, обретающий новое качество, так называемый синергический эффект, как результат объединения множества единиц в одно целое – эффект совместной деятельности. Чем меньше численность индивидов в локальном сообществе, тем более значима роль семьи в сохранении и функционировании сообщества, и наоборот.

Территориальная общность, как правило, – спонтанное образование. Связи, ее скрепляющие, разнообразны: это опосредованные связи (совместное пользование территорией, ее природными ресурсами, социальной инфраструктурой, сетями коммуникаций), а также связи непосредственные (межличностное общение, совместный труд и отдых).

Существование локального сообщества в качестве целостности, отдельной от других сообществ, осознается не всеми ее членами. Региональное самосознание – чувство причастности к территории – обычно формируется длительное время, возможно, на протяжении жизни целого поколения. Носители регионального самосознания составляют наиболее устойчивую, активную часть населения.

В трансформирующемся обществе локальные сообщества также претерпевают определенные изменения: нарушается локальная автономия из-за расширения связей с «большим обществом», интенсифицируется миграция: молодежь уезжает в город сначала на учебу, потом многие остаются, находя городской образ жизни более привлекательным. Сельское население постепенно стареет.

Жизнеспособность сельского локального сообщества зависит от множества факторов. В качестве сущностного компонента развития сообщества рассматривается семья. Выдвигается гипотеза о том, что в локальном сообществе (деревне) роль семьи в сохранении сообщества более значима, чем в «большом обществе» (городе, районе). При этом значим не столько факт проживания на одной территории, сколько социальные связи, образующиеся в таком сообществе. Следовательно, для формирования престижности сельского образа жизни следует сделать его привлекательным прежде всего для семьи.

В качестве социально-территориальных образований применительно к сельским поселениям РТ рассматриваются сельское население республики, население Верхнеуслонского муниципального района, население села Макулово этого района.

По оценкам земских статистиков и государственных органов, население на территории Верхнеуслонского района в конце XIX в. в экономическом отношении было достаточно благополучным, что определялось прежде всего благоприятным географическим положением [4, с. 22–30]. Огромную роль играла Волга: немало крестьян в Верхнем и Нижнем Усломе имели собственные речные суда, многие жители деревень служили в судовых командах. Значимым фактором развития экономики территории была близость к Казани и удобство сообщения с ней: перевозка по реке была дешевле, чем по суше. Одним из доходных занятий жителей прибрежных сел и деревень была разработка месторождений строительных материалов, а также работа на построенных здесь же промышленных предприятиях.

Разнообразие источников дохода привело к тому, что лишь немногие крестьянские хозяйства занимались хлебопашеством. В удаленных от судоходных рек селах и деревнях были развиты ремесла: в каждом селе были кузнецы, сапожники, портные. Кроме того, многие крестьяне занимались обработкой дерева: изготавливали ободья и полозья для саней, колеса, деревянную посуду. Однако к началу XX в. эти промыслы пришли в упадок: повышение цен и снижение спроса на древесину сделали эти занятия невыгодными. То же самое произошло с другими ремеслами – гончарным, корзинным. Для многих крестьян удаленных от реки деревень более привычными стали другие занятия – погрузочно-разгрузочные работы на волжских пристанях, на стройках Казани, а также извоз. Устойчивыми оказались немногие промыслы, в их числе выделка сыромятной кожи и производство изделий из нее.

В начале XX в. многие жители деревни Татарское Макулово (Верхнеуслонский район) занимались торговлей вразнос галантерейными и другими мелкими товарами в русских, татарских, чувашских деревнях. Это было традиционным занятием татарского населения.

Несмотря на разнообразие занятий, уровень жизни большинства крестьян оставался низким. Исследователи объясняют это демографическими причинами: сохранение высокой рождаемости и падение смертности благодаря деятельности земских врачей способствовали быстрому росту населения. В результате возник так называемый «аграрный вопрос» – необеспеченность населения земель. Однако были и зажиточные села, к их числу относят Верхний Услон, Нижний Услон, Шелангу и ряд других поселений.

После Гражданской войны и Октябрьской революции в Верхнеуслонском районе прошла коллективизация: крестьян лишили земельных участков, отобрали имущество, скот (могли оставить корову, если семья была многодетной). Строительство новой жизни началось с разрушения старого хозяйственного уклада, с раскулачивания, в первую очередь зажиточных, трудолюбивых крестьян. Возник вопрос: кого считать кулаком, – на который никто не мог точно ответить. Четких критериев не было, за исключением, пожалуй, одного: использование в хозяйстве наемного труда – это считалось эксплуатацией и не подлежало прощению. Однако без наемных работников крестьянское хозяйство, как правило, обойтись не могло: чтобы прокормить большую семью, надо было обработать большой земельный участок.

В Макулово в 1930 г. образовались два колхоза: «Имени Кагановича» в русской части и «Алга» – в татарской. Перед войной эти колхозы объединились в хозяйство «Дружба». В 1961 г. у колхоза было 4000 гектаров пашни, урожаи собирали выдающиеся. Впоследствии для привлечения молодежи стали строить дома коттеджного типа, при каждом был участок земли под личные огороды. Молодежь охотно работала в этом хозяйстве. Однако в 1997 г. совхоз распался: вместо него образовались сельские производственные кооперативы, а также фермерские хозяйства. Началось сокращение поголовья скота, вызванное очередным стремлением «новых хозяев» изжить «индивидуалистические» склонности сельских жителей.

Краткий экскурс в историю постоянных трансформаций сельских поселений показывает постепенное уменьшение привязанности крестьянина к земле, к сельскохозяйственному труду. Этому способствовала и политика государства по отношению к крестьянству: вместо учета специфики жизни в сельской местности, стимулирования труда проводилась политика запретов (в отношении личного скота в 60-е годы XX в.). Примерно то же самое происходит полвека спустя: в деревнях Верхнеуслонского района почти не осталось крупного рогатого скота, поскольку уход за ним якобы отвлекает жителей от производительного труда в агропромышленных комплексах.

Неадекватной была и политика государства по отношению к личному подсобному хозяйству крестьян, которое зачастую было главным источником доходов сельского населения, обеспечивая продуктами питания не только сельчан, но и городских жителей. Помимо экономической функции, подсобное хозяйство выполняло значимую социальную функцию. Прежде всего оно сплачивало сельскую семью на основе совместной родителей с детьми трудовой деятельности. Такие семьи были более устойчивы и многочисленны. Политика, направленная на изъятие у сельского жителя других источников дохода, помимо общественного хозяйства, обернулась на деле упадком сельскохозяйственного производства, дороговизной и нехваткой продуктов питания, нищетой деревни, неуправляемой миграцией в города. Все эти процессы дают основание сделать вывод о том, что происходит разрушении деревни как социального института в обществе, где значительная часть населения (примерно 25%) – сельские жители.

Устойчивость и жизнеспособность сельского локального сообщества непосредственно зависит от уровня семейности сельского поселения, в то же время

численность семей, их типы (благополучные/проблемные), стабильность внутри семьи прямо зависят от жизнеспособности локального сообщества, его привлекательности с позиции семейного образа жизни, прежде всего для молодежи.

Семья выполняет в обществе уникальную роль: способствует воспроизводству человеческого рода, его сохранению и приумножению. В качестве социального института семья воздействует на ход социально-исторических процессов. Функционирование института семьи демонстрирует, в какой мере социальные перемены укрепляют или ослабляют семейный образ жизни, ценность семьи, преемственность поколений, передачу семейного капитала.

Анализ эволюции сельского сообщества на примере одного из сел Верхнеуслонского района, являющегося типичным образцом сельского поселения, к тому же полиэтничным – здесь живут и татары, и русские примерно в равном соотношении – наглядно характеризует диалектическую взаимосвязь между семьей и локальным сообществом.

Анализ динамики естественного движения населения Макулово¹ за период с 1965 по 2009 гг. показывает вариативность уровня рождаемости (максимальное число рождений в 1990 г. – 37, минимальное – 9 в 2007 г.). Изменчив и показатель смертности, имеет тенденцию к росту. В результате с 1993 г. началась естественная убыль населения, которая не компенсируется за счет миграции (сальдо миграции, являясь положительным, демонстрирует незначительный миграционный прирост). Уровень брачности на протяжении этого времени значительно варьировал (от 18-ти зарегистрированных браков в год (1988 г.) до 4-х (1997 г.)), при этом уровень разводимости за рассматриваемый период не являлся высоким (на 273 брака пришлось 62 развода). На 1 января 2009 г. численность жителей села Макулово составила 1455 человек, их средний возраст – 37.5 года.

Коэффициент семейности (показатель сгруппированности людей в семьи) в Макулово высокий: на тысячу жителей приходится 349 семей. По размеру довольно значительна доля семей, состоящих из четырех человек: обычно это родители и двое детей – 27%. Примерно 17% семей – однодетные. Пятая часть семей состоит из двух человек: чаще всего это супруги, дети которых выросли и живут отдельно.

Более половины жителей (59%) заняты на предприятиях села, остальное трудоспособное население работает в частных строительных фирмах на территории Макулово, а также на предприятиях Казани. В сельском хозяйстве занято 26.2%, на производстве – 18%, остальные 55.8% жителей трудоспособного возраста заняты в сфере услуг, торговли, образования, культуры, здравоохранения.

В России начала XXI в. происходит усложнение социальной жизни внутри как крупных, так и мелких административно-территориальных образований, детерминированное формированием рыночных, демократических ценностей. Развитие сельских сообществ нельзя рассматривать в отрыве от географических, природных, экономических, политических условий жизни. Переход к устойчивому развитию сельских поселений связан со стабильностью ситуации в районе, в республике в целом. Однако на деле наблюдается размывание крестьянской основы сельских сообществ. Пример тому – давление на жителей села

¹ Похозяйственные книги исполнительного комитета Макуловского сельского совета на 30 января 2009 г.

Макулово со стороны руководителей АПК, которые считают нежелательным содержания сельчанами собственного крупного рогатого скота во избежание удвоения рабочего дня.

Устойчивость развития применительно к сельскому сообществу можно трактовать как саморегулирующееся за счет внутренних ресурсов согласование изменяющихся интересов взаимодействующих субъектов. Устойчивость предполагает функционирование системы, развития здесь может не быть. Кризис сельской семьи означает нарушение состояния равновесия, появление тенденций деградации, что может привести к разрушению сообщества.

Ряд исследователей считает, что рыночные преобразования с начала 90-х годов прошлого века носят социально-деградационный характер, привели к возникновению противоречий между крестьянством, агробизнесом и властью. На базе колхозов и совхозов появились акционерные общества. Идея реформы заключалась в автономизации сельхозпредприятий, в обеспечении им самостоятельного, без финансирования со стороны государства, функционирования. В результате возникли противоречия между различными социальными группами, вызванные, прежде всего, их экономическим неравенством.

В поселении Макулово скорее можно зафиксировать противоречие между крестьянством и агробизнесом, чем между крестьянством и властью. Это проявляется в монополизации бизнесом разных сфер хозяйственной деятельности на селе, в ограничении им развития личного подсобного хозяйства сельчан, прежде всего скотоводства. Возможно наличие противоречия между крестьянством с его стремлением к участию в решении проблем деревни и властными структурами, профессионально занимающимися управленческой деятельностью. Следовательно, можно прогнозировать появление латентной неудовлетворенности населения политикой бизнес-структур, ориентированных на получение прибыли, а также политикой власти, не способной защитить сельских жителей от произвола предпринимателей. В условиях значительного социального расслоения у муниципальной власти нет достаточной для опоры социальной базы. Крестьянство не имеет развитых форм производственного и социального кооперирования для выражения своих интересов перед бизнесом и властью. Затруднено формирование сельской общности, поскольку в масштабах поселения отсутствует совместная деятельность.

Критерием эффективности социально-экономического развития сельского сообщества является удовлетворение материальных и духовных потребностей его жителей, повышение качества и уровня жизни населения, поддержание благоприятной среды жизнедеятельности, в том числе и для будущих поколений.

Summary

S.A. Akhmetova. Rural Local Community as an Object of Monographic Research.

The article regards rural local community as a micromodel of society, wherein all processes typical for “big society” are present. Life of a local community is characterized by inner unity, which is also typical for monograph as a method of scientific research. Inner unity is interpreted as an existential feature immanent to settlement life.

Key words: rural local community, “big society”, monographic method, inner unity, family level, rural way of life.

Литература

1. *Шингарев А.И.* Вымирающая деревня // Социол. исслед. – 2002. – № 2. – С. 124–133.
2. *Щепаньский Ян.* Элементарные понятия социологии / Пер. с пол. – Новосибирск: Наука, 1967. – 247 с.
3. *Немецкая социология* / Под ред. Р.П. Шпаковой. – СПб.: Наука, 2003. – 562 с.
4. *Верхний Услон: край родной, навек любимый...* / Под ред. А.Г. Абрамова. – Казань: По городам и весям, 2001. – 367 с.

Поступила в редакцию
17.12.08

Ахметова Симбуль Абдулловна – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Казанского государственного университета.

E-mail: joursocio.dep@ksu.ru